

Павел Поляков.

Серб.

Лапти из воловьей кожи;
В сумке — кукурузный хлеб.
Ты не даром жизнь свою прожил,
Не напрасно гордишься, серб!

Предок твой, на Коссовом поле,
Натянувши лук тетивой,
Завещал своим внукам Волю,
Заплатив за нее головой.

И векам в своей Шумадии,
Вызов бросив злу и судьбе,
Бился ты за просторы лесные,
Сотни лет проведя в борьбе.

Под разрывы шрапнели звонкой,
Заглушая изгнания боль,
На быках, в шинелишке тонкой.
Отступал твой старый Король.

И Албанские горы узнали
И потом — передали нам,
Что лиш там, где лучшие пали,
Воля светлая будет лиш там!

Ник. Келин.

Казачья отчизна повержена в прах,
С лица земли сметена врагами...
Как эхо дальнее в горах,
Один призыв звучит меж нами.

За Край Родной! За резвы бег
Коня донского в Диком Поле
Вперед друзья! Быстрее всех!
Наш пут к желанной, древней воле

Мы наводнили целый свет,
Мы скорбь по миру расплескали,
За нами стынет страшный след
Из дыма, пороха и стали...

Над нами дождичек косой...
Заря разводы чертит в небе,
Но каждый пыльный и босой
Из нас мечтает о победе.

Мих. Мурзин.

Казаку-Подьяремному.

Казак, ужель тебя к земле пригнуть
Нога пришельца с севера могла?
Уже ли удаль молодецкая готова сгинуть
И вера в волю умерла?
Ужель кровавые злодейства,
Что там свершают над тобой,
Не будят дух твой от бездействия
И не зовут в кровавый бой?..
Ужель потомок рыцарей степей
Смирился ты с своей неволей?..
Утратил дух отцов богатырей?
Не схватишься за шашку боле?..

Не верится, чтоб мощный стан твой
К земле, как у раба, склонился,
Чтоб взор твой властный, огневой
Перед пришельцем опустился.
Я знаю—кровь казацкая клопочет
И сердце смелое горит,
И вырваться на волю хочет,
Его и пытка не страшит.
Терпи и жди, ты ждал так много, —
Раздастся клич на Поле бранный
(Молитвы матерей дойдут до Бога)
И враг рассеется попрунный!

С. Балыков

З о в ы

Кошку с какой высоты ни брось, она все на ноги упадет. Ловкий зверь кошка!.. Так и казак: Как ни пригнет его судьба, как ни ошарашит, а он все жизнь за чуб схватит. Цепкий человек казак!..

Славный вольницей дикий Яик и сверкающий мировой Париж — небо и земля. Казалось, — кинь яицкого наездника и стерлядника в Париж — пропадет он, как рыба выброшенная на сушу, а на деле вышло так, что Григорий Знаменсков, как нечаянно ни швырнула его доля с Яика к Сене, а все же на ноги он упал.

Не прошло и трех месяцев, а молодой сотник Знаменсков начал Париж осваивать. Правда, еще долго он шляпу машинально сдвигал набекрень и

каждое утро с раздражением возился с галстуком, но уже принял решение — зажить и в изгнании нормальной жизнью.

Конечно, была скука по вольному Яику, невольно рождались в мыслях картины зимнего багренья рыбы на нем, вспоминалась аханная ловля на Каспии, но ничто не вывело Знаменскова из равновесия и не сбило с намеченного пути. Твердо взял себя в руки казак.

Многие казаки поддались парижским соблазнам с его 69-ю способами общения женщины с мужчиной, но и могучий зов молодого здоровья волей одолел Знаменскова.

Сперва он бережно копил излишки заработков. А когда сделал запас, он хорошо оделся. Потом засел за французский язык. За полгода уже сносно говорил, так как читать и писать умел еще из дому. Пришлось только восстановить. Одним словом, через два года Знаменсков был механиком и на хорошо оплачиваемом месте при заводе.

— А теперь мы начнем невесту приглядывать — сказал он про себя и продолжил мысль: — Человек без семьи, что кобель без двора; да и бессмертие человека не в том-ли, что в детях, и после смерти, продолжает жить часть его души, течь его кровь, жить его клеточки?...

Женщин в Париже, что пахучих и сладких дынь на казначей бахше в урожайное лето, но у Знаменскова особое желание: По возвращению домой, перед полковцами и станичниками, красавицей француженкой из самого Парижа щегольнуть ему охота.

На тех, что обворожительно улыбались ему из-за ресторанных и винных стоек, или на тех, что столкнувшись с ним нос к носу, кончик языка быстро показывают в знак принадлежности к самой древней профессии, и смотреть он не хотел. «С них хозяйки, как с меня Богды-Хан — любил он острить. От родителей, из хорошей семьи ему хотелось найти невесту.

Но как ни приволен Париж, а иностранцу, тем более эмигранту да еще небогатому, редко попасть в хороший французский круг. Необычайно трудным показалось Знаменскову дело жениться.

Только яцкиий напор, щегольский вид, не присущий местным механикам, хорошее знание языка, молодость, статный рост, хоть и грубоватое, но мужественное открытое лицо, облегчили задачу. В общем дело оказалось гораздо проще, чем ожидал Григорий.

Живя неподалеку, он часто бывал на Лоншанских скачках. Французы на них идут валом. Тысячи людей азартно играют в тотализатор. Во время состязаний лошадей, людей захватывает бешенное возбуждение. Они теряют рассудок и выходят из рамок. Шум, визг, крики, свист и аплодисменты хаосом виснут в воздухе.

Во время одного заезда, Знаменсков, купив билет на один из номеров, протиснулся к барьеру и втиснулся между стариком и молодой женщиной. Старик сердито что-то пробурчал, а черные очи женщины сердито метнули колючие искры, но не до этикетов тут было: лошади пошли!..

Когда группа этих красивых и изящных животных под пестрыми всадниками вышла на прямую и, под звучное щелканье хлыстов, лошади вытянулись в последнем напряжении, возбуждение ревущей толпы достигло вершины.

Соседка Григория Знаменскова громко выпискивала название той-же лошади, за которою следил и он, в полном забвении, близко прижавшись к Григорию, она схватила его руку и стала сильно сжимать.

Сперва Григорий было плохое подумал о случайной соседке, но когда ее лошадь первой при-

шла к столбу, и возбуждение заменилось шумной радостью, и она тут только обнаружила свое состояние, девица смутилась и отодвинулась от него,

Случилось так, что она и Знаменсков одновременно подошли к кассе за небольшой выдачей. Григорий уступил ей очередь, а потом обратно последовал за нею к барьеру и стал рядом со стариком, который оказался отцом барышни.

Когда стали выезжать на круг лошади следующего заезда, между стариком и Григорием завязался обычный ипподромный разговор — о лошадях, шансах, жокеях. Слово за слово, к концу скачки Знаменсков стал знакомым отца и дочери Дюпонов.

На следующей скачке Клегид уже приветствовала знакомого казачьего офицера и блеснула кое-какими познаниями о казаках, почерпнутыми из энциклопедического словаря.

Не прошло и месяца, а господин „Знаменсков“ получил приглашение от старика Дюпона — бывать. Господин Дюпон оказался шестидесятилетним вдовцом, отставным полковником на пенсии, а Кледит его единственной дочерью. Небольшая пенсия, проценты из небольшого капитала, да умелая и осторожная игра на скачке, откуда он редко уходил без выигрыша 50-100 фринков, позволяли старику беспечно и скромно жить, воспитывать свою дочь. Жили они в небольшом собственном доме на берегу Сены вдали от центра Парижа.

Сперва Знаменсков ходил к Дюпонам редко, только по приглашению, но так как старик любил военные воспоминания, любил казаков и шахматы, то скоро случилось так, что Григорий стал бывать у них запросто и часто.

Ясно, что молодые люди, как говорится в романах, подружились, а старый холостяк не мешал их дружбе, довольствуясь одной партией в шахматы с господином „Знаменсков“.

Я уверен, что станичник Знаменсков, хоть и искал себе невесту француженку, не представлял себе облик заранее, но когда ближе познакомился с девицей Клетид, то оказалось, что именно такую он искал, и что полюбил он ее „с первого взгляда“! Против этого мы могли бы возразить, помня, как они встелились, но спорить бесполезно, потому что Григорий и Клетид уже успели влюбиться друг в друга. Да и куда им было деваться!?. — Молодость (ей 20, а ему 28), тут весна... К Дюпонам никто, кроме Григория, не ходит, а Григорий, кроме Дюпонов, нигде не бывает, да к тому же и красавица—Клетид.

Росту она чуть-чуть выше-среднего. Большие, ласковые, черные глаза, прямой и стройный нос с едва заметной горбинкой, и алые улыбочивые губки на беломраморном лице под блестящими волнами черных волос!... Вдобавок Клетид и стройна, легка и подвижна, в меру умна, в меру интеллигентна, а главное — мила своею наивной девичьей чистотой. Будто не в Париже росла!

Под стать подошел и Григорий. Для Клетид в нем оказались все лучшие качества. Подходящим оказался и для старика: порядочный, интеллигентный, одинокий человек, который не увезет от него

Клетид, а переселится к ним, и им веселее будет жить. А там некто маленький, кто будет носить в себе клеточки Дюпонов и Знаменсковых...

В наше время не сказка скоро сказывается, а дело скорее делается. А дела Григория Знаменскова шли, как по писаному. Не прошло и года со дня памятной встречи на скачке, а Григорий и Клетид были самыми счастливыми молодыми супругами, а старик Дюпон радовался счастьем дочери.

Опарижанился наш яйцкий казак: Редко стал показываться среди казаков, скоро, при посредстве связей тестя, он стал французским гражданином, получил по службе повышение, стал еще больше зарабатывать, и уже реже, в смутном тумане, снились и Яик, и родная станица, и даже кошмарный поход в Персию по буранной и песчанной степи стал реже вспоминаться, как далекое безвозвратное прошлое...

Прошло десять лет. Особенного в жизни семьи Знаменсковых ничего не случилось. Все идет нормально: Во-первых, за десять лет на хорошо оплачиваемой службе Григорий скопил немало денег. Тепер он приезжает на службу в собственном „Пэжо“. Хотя тестин дом считается его дом, но Знаменсков приглядывает дачку в деревне. Он покраснел, пополнил, наел калкан, голос его стал громче и грубее. Клетид превратилась в красавицу даму в полном соку. Она очень экономная и хорошая хозяйка; дом у нее — полная чаша. Во-вторых, у них прелестный мальчик, сын Никола, на домашнем языке — Бэби, пухленький 5-летний красавчик с путаными волосами, с глазами матери и мясистыми губами отца.

А в третьих... Любовь была бы безрадостной обыденщиной, если бы она никогда не проходила. У всех она проходит. Прошла она в свое время и у супругов Знаменсковых. И ничего особенного в этом нет. В обычных случаях, ко времени испарения любви, появляются и укрепляются иные скрепы: взаимное уважение, привязанность, приспособленность к характеру друг друга, общие хорошие воспоминания, общие родственники, а главное — дети и отрезвляющие годы. На простом языке все это называется тесёмками, разорвать которые бывает трудно.

Но у Знаменсковых, кроме Бэби, ничего общего и связывающего почти не оказалось. Неожиданно появились на сцену Яик и Сена и пред'явили свои права, кинули свои зовы. Это оказалось для Григория и Клетид очень плохо!.. Словно холодный сквозной ветер дунул по теплему, уютному гнездышку и развеял по воздуху нежные пушинки.

Началось это, как всегда и везде, с малого: Захотелось, однажды, Григорию хорошего, наваристого казачьего борща из баранины с заправкой из старого сала, а Клетид не сумела сварить. А когда сварила, после долгих напоминаний, по рецепту мужа, то Григорий не стал и кушать.

И стал Григорий тут-же проклинать надоевший ему французский водянистый и безвкусный суп с накрошенным в нем хлебом. Взяла досада и Клетид, и она в ответ стала хулить борщ. С этого и пошло. Дальше-больше; раз-два. Коснулись Яика

и Сены, Уральских гор и Парижа, французов и русских, — каждый отстаивал свое и критиковал чужое, дошли до обидных слов, Клетид заплакала...

Старик Дюпон сразу почувствовал в ссоре дочери и зятя неладное и крепко задумался. Однажды за обедом, когда Знаменсков, тыча вилкой в кисло-соленый мягкий французский огурец, раздраженно и путанно объяснял жене, как нужно солить огурцы, чтобы они были малосолены, пахучи и хрустящи на зубах, старик Дюпон вмешался, желая замять назревающий спор:

— А Блюм-то, пожалуй, умно сделал, что союз с Россией возобновил. По прошлой войне помню, какие хорошие союзники были русские, особенно в первые годы... Ведь, собственно, с тех пор я казаков...

— Неправы вы, мой отец!.. СССР вам — не Россия. Коммунисты не русские, а члены интернационала. Не смейте, вы, французы, старую русскую армию сравнивать с красной армией! Понимаете вы?! Французы дурни, не с Россией вы заключили союз, а с интернационалом, с врагами России! Коммунисты погубили мое Казачество, а я — казак! Понимаете вы?! Если будет война, думаете, я буду на стороне большевиков? Не будет этого! Я буду с теми, кто будет бить большевиков!.. Союзники вы!?.. А хорошо помогли вы союзнице России, когда вражеские агенты разрушали ее?! Знаем... Не забудем!..

Знаменсков так громко и грубо всё это прокричал старику, что тот обалдев, ничего не мог ответить, уткнувшись в тарелку с салатом. Комнату охватило тугое молчание, которое обычно срывает обед. Клетид, с глазами полными слез, встала из-за стола. Бэби испуганно обводил всех кроткими глазами и перестал лепетать. Кухарка перестала носить кушанья. Обед на этом закончился.

С этого дня Григорий зачастил на казачьи эмигрантские собрания, записался в организацию, встретил старых знакомых, завел знакомства новые, встретил с казаками какой-то праздник и вернулся навеселе с двумя казаками и потребовал, чтобы Клетид напоила и накормила их. А потом три казака, заняв кабинет, долго выводили какую-то песню, от которой Клетид сделалось тоскливо и страшно.

Скоро стали по адресу Знаменскова приходить разные казачьи журналы, за которые Григорий всегда аккуратно посылал деньги, чаще больше, чем по цене. Круг казачьих интересов постепенно затянул Знаменскова, и старая полузабытая родина, как ласковая мать-старушка, вновь воскресла в его душе.

Не прошло много времени, а между Григорием и Клетид из общего остался только Бэби, обоими страстно любимый и обоим притягивающий к себе с неодолимой силой...

В этот вечер ужин прошел на редкость хорошо. Бэби без умолку болтал, забавно вставляя редкие русские слова в свой французский язык. Григорий и Дюпон мирно поговорили о новостях дня и с аппетитом поели все блюда. Давно уже семья Знаменскова не знала такого вечера.

После ужина, когда прислуга убрала посуду и получила указания на утро, а Григорий и Бэби расшались в кабинете, Клетид вошла к ним.

Взяв свое ружьецо на плечо, Бэби маршировал вокруг стола и пел: „На зае ибаки йовийи!.. Эй-гей-гей!.. Эй-гей-гей!“. Отец, сидя у стола, подавал команду: „Раз-два! Раз-два!“ Клетид стала подпевать сыну, отчего тот пришел в еще больший раж.

В эту минуту и Григорий и Клетид особенно остро почувствовали свою связанность смехом и радостью этого мальчика.

Когда Бэби, кончив маршировать, занялся старательным рисованием на бумаге фантастического паровоза, а Григорий, с книжкой в руке, прилег на диван, Клетид присела к изголовью мужа и, заискивающе притрагиваясь к его волосам, спросила:

— Не правда ли, какой у нас чудный мальчик?

— Да... казачонок живой!

— И жена у тебя красавица и хорошая, да?

— Ну...

— И место хорошее имеешь, деньги есть, авто, дом?

— Ну...

— И папа наш добрый?

— Да.

— А так скажи Григори, — чем ты недоволен? Почему у нас стало нехорошо? Чего еще тебе не достает? Чем Франция для тебя плоха?... А Париж?

— Париж не плох, а моя станица лучше. Франция хороша, а Урал лучше.

— О, ля-ля!.. Неужели ты так-таки серьезно думаешь ради этого Урала бросать все, что у тебя здесь есть, что дал тебе Париж?

— Не все, Бэби своего никогда и никому не оставляю. Хочешь — езжай с нами и ты. Я тебя не бросаю. Ты знаешь, Кло, у нас будет свое казачье государство. То-то жизнь увидишь!..

— Никуда я из Парижа не уеду и старого отца не брошу одного!

— Дело твое. Поедем мы с Бэби. Николая Знаменкова здесь не оставляю.

— А зачем этот разговор? Сколько раз мы на эту тему говорили?

Горестно вздохнув, Клетид встала и вышла из комнаты.

— Папа! — окликнул отца сын — на Урале у нас много будет арбузов?

— Много.

— Будем...

— И на коне прыгать?

— Да...

Старик Дюпон, сдвинув очки на конец носа, придвинув скаковую газету к свету под зеленым горизонтальным абажуром, читал за столом. Клетид подошла, молча села напротив отца и ладонями закрыла лицо. Старик положил газету и тихо спросил:

— Что Кло?

— Опять говорила с ним.

— Ну?

— Всё то-же: И слышать не хочет. Боже мой!..

Мой Бэби... наш чудный Париж... дикий Урал,

снега, медведи, босые бабы!.. А тут служба, пенсия. Никак не могу понять! Эти казаки не умеют ценить блага жизни. Я не могу с ним туда ехать. Не могу тебя одного оставить умирать, оставить Париж, Сену, а он Бэби увезет, что делать Папа, ты умный... .

Глубоко задумался старик Дюпон. Молча он закурил сигару и со вздохом погладил дочь по опущенной головке. Потом откашлялся и тихим ровным голосом заговорил, продолжая дочь гладить по голове:

— Слушай, Кло, папу. Не мучь себя. Это, ведь, только разговоры. Когда это большевики падут, кога это казаки государство организуют, кога это он поедет? Он еще успеет здесь состариться.

— Нет папа, мне страшно. Ну а вдруг... . Нужно вопрос решить принципиально, а то я не найду покоя.

— Ну, тогда ничего не поделаешь — придется тебе, Кло, ехать за сыном, ради его детского счастья и ради своего покоя. Ты мать, жена мужа. Этим сказано много. Мы с твоею матерью жили в Индокитае, в Марокко и везде были счастливы с тобою втроем... . А потом, Кло, смотри, тебе тридцать лет — снова жизнь уже не начинать, а вдоветь рано. Чтобы ты делала тут одна, кога я умру. А это скоро. Вот... и лучше тебе ехать с мужем и сыном. Ты примиришься с этой мыслью, возьми себя в руки, будь ближе к мужу, войди в его интересы, не строй сцены, кога он приводит на дом казаков и он оценит твою жертву... . Хоть и грубоват, но человек он не плохой. Что так родину любит, это не плохо. Он мужчина, офицер, а народ его переживает трагедию. Я его понимаю. А ты расти сына в радости. Помни — в нем кровь Дюпонов: Дом и все я оставляю ему. Воспитавай ты его в любви к Франции. Пусть у него будут две родины. А кога вырастет, приезжайте с ним на мою могилу...

Голос у старика задрожал. Он умолк, встал, отвернулся к книжному шкафу и, старчески шмыгая носом, стал рыться в книгах...

Вздрагивая полураскрытыми роскошными мраморными плечами, Клетид глухо рыдала, опустив черную волнистую головку на руки...

Когда уже успокоенная Клетид снова вошла в кабинет, Бэби попросился спать, а Григорий читал какой-то казачий журнал. Она подошла к сыну и ломаным русским языком заговорила: „Так, идиом спать, мой казачонок... пойдём на Ураль, будем рибу лавидь, на коне в станица скакадь, а теперь нада почеловадь папу и сказать спокойна ночи“.

С этими словами она подвела Бэби к Григорию, заставила их расцеловаться, неожиданно для Григория сама крепко поцеловала его и вывела сына в спальню.

Григорий Знаменков, изумленно вытаращив глаза, остался сидеть на диване. По ломающемуся голосу, по свеженапудренному носу и сверкающим, как свежие маслины, глазам он видел, что жена плакала, но не мог сразу понять ее нежности, а главное — разговора об Урале, о станице в духе

его мечты. Но вдруг он понял все, и сильным вздохом ворвалась в его душу давно ушедшая радость. Как бы нежная теплая волна прошла по телу. Чувство благодарности и нежности к Клетид, к старику Дюпон, захватило сознание. Григорий вскочил, быстро привел себя в порядок и пошел в спальню за Бэби и Клетид.

Новый тяжелый, длительный бой, гораздо более трудный, чем все бои донныне, выиграл в жизни казак Григорий Знаменсков. Воля и любовь к родине спасли его от грустной участи потери на чужбине и приростания к чужому полю.

1937. 5.

Виктор Карпушкин

На круг

Мы сойдемся во Круг
Погутарить о Воле степной,
Разобраться, кат друг,
А кто ворог коварный, лютой.

На Кругу место всем,
Кто Казачеству верно стоит;
Соберемся — пойдем,
Кто к Казакии сердцем горит.

Не законы писать,
Наш закон — вольность степи родной;
Мы сойдемся сказать,
Что Казачество в клетки стальной.

На весь мир прокричим:
„Наш казачий народ еще жив,
„Мы свободы хотим
„И, что путь наш лишь к воле один“..

Мы сойдемся во Круг
За Казакию зная поднять.
На коней все, кто друг!..
Час пришел, чтобы цепи порвать!

Брно, 5. 1937.

Д. Еременко

За казачье имя

(Быль)

Июньский день клонился к вечеру. Большой, красный солнечный шар заметно приближался к горизонту, готовясь за ним скрыться. После жаркого дня наступал приятный, прохладный вечер. На землю опускалась легкая дымка вечернего тумана. Вокруг была тишина; только изредка доносились слабые звуки жабьего концерта из недалекой речки.

Гаврило Степанович Грыценко, старик-казак богатой Черноморской станицы — Уманской, широко расположенной по обоим берегам степной речки Сасыки, его жена, старуха, единственный сын — Яшко, ученик 5-го класса реального училища, и крестный отец Яшки — Иван Иванович Сидоренко, казак средних лет той же станицы, ехали на линейке из станицы на хутор, который находился в верстах двенадцати от станицы.

Худые, но крепкие и выносливые лошади — Гнедый и Буланчик — бодрый рысцой бежали в линейке по хорошо знакомой им пыльной, ровной и неширокой грунтовой дороге, ограниченной с боков высокой, густой, зреющей пшеницей. Было время жатвы. Для хлебороба это самое тяжелое и ответственное время в году. Все работы необходимо было кончить вовремя, иначе зерно могло перезреть. Грыценки уже скосили ячмень и начали кодить озиму. Гарновка тоже уже созревала. Работы было много, а рабочих рук в семье Грыценко было мало. А потому это лето, как и прошлые, Иван Сидоренко ехал помочь куму при косовице и молотье. Свою землю он отдавал в аренду, перестав уже давно заниматься хлебопашеством, но поработать при жатве любил.

Путь незаметно сокращался за непрерывной и оживленной беседой. В станице, как и на всей Кубани, господствовали большевики. От большевицкого господства Казачество стонало и искало пути освобождения из-под него.

Выехав из станицы далеко в поле, едущие свободно и громко обменивались мнениями о создавшемся положении в станице и целом крае.

— Да выж, Гаврыло Семеныч, подумайте — возмущенно рассуждал разговорчивый Сидоренко, толковый казак, храбрый пластун, кавалер двух Георгиевских крестов за Великую войну — клоун-комиссар Титов вздумав гарнизовать конную сотню, говорэ — для борьбы з кадетами, — ну-ж і гысторія!.. Кышки чоловік порвав бы од сміху, дывлючись, як цей гарнизатор лізе на коня: одначе як ото баба стара лізе на горіще по дробині!.. А як взбрэтьця, та сяде на коня, так ій Богу, нагаду мені жабу на греблі: Начіпыть на неі на бік леворвер, хрес-нахрест на груды пантронташі, на живіт бонбу, і жаба на греблі будэ як той Тітов на коні!.. От-же Соломоново військо!.. І відкіля його нечиста сыла на нашу голову прынесла?!.. Цыркочый босяк, дуралэй, тепер як бы станышный отаман! Оце так дожылысь до слободі... хай бы іі трыжды чорт взяв!..

Станичный комиссар Титов, невзрачная, мелкая личность, с лицом кокаиниста и дегенерата, с глубоко впавшими- постоянно бегающими узкими глазами, всегда с злорадной и ехидной усмешкой на губах, производил на каждого человека отталкивающее впечатление. В недавнем прошлом он